

И.П. Глазырина, Л.М. Фалейчик, И.А. Забелина

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ

Целью данной работы является изучение особенностей развития обрабатывающей промышленности в восточных регионах страны. Можно ли говорить о существенном влиянии «восточного вектора» регионального развития в этой динамике? В статье рассмотрены следующие аспекты экономических процессов в восточных регионах России в период экономических шоков 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг.: динамика производства, динамика производительности труда в обрабатывающей отрасли, динамика налоговых поступлений по ВЭД «Обрабатывающие производства» в соответствии с ОКВЭД 2. Расчеты выполнены с учетом индекса производства.

С точки зрения объемов производства процессы индустриализации в целом на востоке РФ в 2017–2023 гг. опережали среднероссийские темпы, исключением был только 2022 г., хотя по регионам результаты существенно различались. Во всех дальневосточных регионах в 2022 г. производительность труда была выше, чем в 2017 г. Но по ВЭД «Обрабатывающие производства» на востоке страны в 2022 г. этот показатель был ниже среднероссийского, а в четырех регионах он снизился по сравнению с 2017 г. В условиях нынешнего ограничения предложения трудовых ресурсов это создает риски для дальнейшего развития отрасли на востоке страны.

Анализ данных Федеральной налоговой службы выявил очень существенный рост налоговых поступлений от обрабатывающей отрасли и в стране в целом, и в восточных регионах в 2023 г. Это обстоятельство позитивно в целом для бюджета, но говорит о возрастающей налоговой

нагрузке на отрасль, что может уже в среднесрочном плане отрицательно сказаться на ее развитии и модернизации.

Полученные результаты могут служить дополнительным аргументом в пользу расширения содержания тезиса о «повороте на восток». Главным содержанием должно стать не увеличение экспортно-импортного товарооборота, а повышение эффективности региональных социально-экономических систем в азиатской части России. То есть «поворот на восток» должен стать прежде всего «поворотом на Восток России».

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность; динамика производства; производительность труда; налоговые поступления; экономические шоки; Дальний Восток

Для цитирования: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Забелина И.А. Обрабатывающая промышленность на Востоке России в условиях экономических шоков // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 192–221. DOI: 10.15372/REG20240408.

ВВЕДЕНИЕ

Один из наиболее часто обсуждаемых феноменов экономики России в 2022–2023 гг. – ее структурная трансформация с опережающим ростом обрабатывающей промышленности. Целью данной работы является изучение особенностей этого процесса в восточных регионах страны. Можно ли говорить о существенном влиянии «восточного вектора» регионального развития в этой динамике? Есть ли у восточных регионов сравнительные преимущества в этом контексте?

Развитие обрабатывающей промышленности для восточных регионов имеет особое значение ввиду их исторически сложившейся природно-ресурсной специализации [1; 12]. Преобладание продукции первых переделов, незначительные объемы производства продуктов глубокой переработки сырья с высокой добавленной стоимостью стали основными причинами хронического отставания этих территорий в социально-экономическом развитии. Несмотря на природно-ресурсное богатство восточных регионов, уровень и качество

жизни их населения остаются существенно более низкими, чем в европейской части страны [9; 10]¹, и отток населения «на запад» не прекращается.

Усилия по ускорению развития Востока России целенаправленно предпринимались уже не один десяток лет [1; 2; 7; 9–11]². После 2013 г. были созданы новые институты развития Дальнего Востока, ключевым элементом которых стали преференциальные режимы для инвестирования. Они принесли ряд позитивных результатов [2], но одновременно привели к усилению сырьевой ориентации экономики [1]³. В целом можно констатировать, что, как отметил П.А. Минакир, «приблизиться к заметным результатам именно в области преобразования качества жизни и экономики на Дальнем Востоке не удалось» [8, с. 7].

Особого внимания в этом контексте заслуживает производительность труда, так как она во многом определяет характер и различия региональной экономической динамики. По виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (ОП) в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке она исторически ниже среднероссийской. В работе Л.В. Мельниковой [7] был выполнен анализ производительности труда на данных 83 субъектов РФ в разрезе восьми отраслей ОКВЭД-07 в 2011–2015 гг. и 12 отраслей ОКВЭД 2 в 2016–2021 гг., и уже отмечается влияние деспециализации в области обрабатывающих производств в азиатской части страны. В настоя-

¹ См. также: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. «Дальневосточная» инвестиционная политика и доходы граждан в разрезе основных отраслей: опыт эмпирического анализа // ЭКО. – 2022. – № 7 (577). – С. 80–98. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-7-80-98.

² См. также: Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // ЭКО. – 2015. – № 12 (498). – С. 93–107.

³ См. также: Забелина И.А., Фалейчик Л.М. Структурные изменения в экономике восточных регионов РФ в контексте реализации новой модели развития Дальнего Востока // ЭКО. – 2021. – № 11. – С. 93–118. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-11-93-118; Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока.

щей работе мы уделяем особое внимание динамике производительности труда в обрабатывающей отрасли в период экономических шоков 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг. на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе.

РОСТ ОБЪЕМОВ ПРОИЗВОДСТВА

Темпы развития обрабатывающей промышленности в России демонстрируют рост по крайней мере с 2017 г. Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (ООТ) в фактически действовавших ценах говорит об очень значительном росте объемов производства в РФ и ДФО в стоимостном выражении (рис. 1а).

На рисунке 1б представлена динамика этого же показателя за 2017–2023 гг. с учетом индекса производства. Его рост в России за этот период составил 45,6%. Объем отгруженной продукции (работ, услуг) по ВЭД «Обрабатывающие производства» устойчиво увеличи-

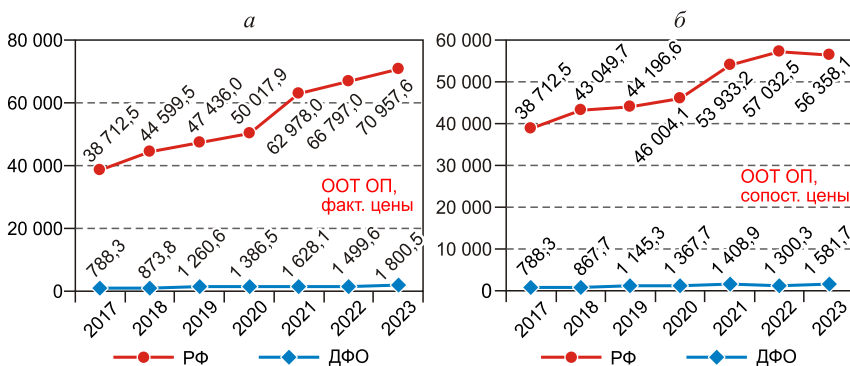

Рис. 1. Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по ВЭД «Обрабатывающие производства» в фактически действовавших ценах (а) и в ценах 2017 г. (б), млрд руб.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial)

вался в РФ в 2017–2022 гг. и не сокращался ни в период пандемии, ни в 2022 г., но в 2023 г. уменьшился на 1,18% по сравнению с 2022 г.

Этот же показатель для Дальневосточного федерального округа также демонстрировал рост вплоть до 2022 г., когда он снизился на 7,7%, однако уже в 2023 г. рост восстановился и объемы производства превысили уровень 2021 г., и в целом за период 2017–2023 гг.

Таблица 1

**Прирост объема отгруженной продукции по ВЭД
«Обрабатывающие производства», % (в ценах 2017 г.)**

Регион	2017– 2022	2017– 2023	2017– 2023 в факт. ценах	2019– 2020	2019– 2021	2021– 2022	2021– 2023
РФ в целом	47,3	45,6	83,3	4,1	22,0	5,7	4,5
ДФО	65,0	100,7	128,4	19,4	23,0	–7,7	12,3
Иркутская обл.	38,3	47,3	59,1	0,9	19,8	8,9	16,0
Респ. Бурятия	46,8	52,5	121,7	14,8	23,2	7,8	12,0
Респ. Саха (Якутия)	8,6	6,4	20,9	–9,1	–19,6	24,7	22,2
Забайкальский край	54,6	97,2	80,2	13,0	15,4	27,2	62,2
Камчатский край	56,2	29,2	74,9	0,7	3,8	23,2	1,9
Приморский край	8,3	31,0	29,1	14,4	10,3	–12,0	6,5
Хабаровский край	61,1	80,0	103,5	17,6	29,0	–12,5	–2,2
Амурская обл.	30,5	242,4	363,2	19,9	2,8	7,2	181,3
Магаданская обл.	1 431,9	2 161,6	5 623,6	–23,3	–14,1	–29,1	4,7
Сахалинская обл.	24,6	39,5	63,8	–8,4	3,3	–2,4	9,2
Еврейская авт. обл.	42,2	–7,2	–16,2	3,3	–4,2	30,6	–14,7
Чукотский АО	3 360,1	10 045,8	11 906,0	75,6	14,5	32,1	287,4

Примечания: голубым цветом выделены отрицательные значения прироста – спад показателя; жирным шрифтом выделены показатели, превышающие значение по РФ.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial).

рост составил 100,7%. При этом доля обрабатывающих производств (по стоимостному показателю объема отгруженной продукции) в ДФО не превышала 3% общероссийского объема (население ДФО в рассматриваемый период составляло 5,4–5,5% населения РФ). «Восточный вектор» развития декларировался по крайней мере с 2014 г., это было подкреплено рядом преференциальных режимов, и с точки зрения объемов производства процессы индустриализации в целом по ДФО в 2017–2023 гг. опережали общероссийские темпы, исключением был только 2022 г. В то же время по регионам результаты существенно различались (табл. 1).

В субъектах Федерации, ДФО и Байкальском регионе наблюдается разнонаправленная динамика объема отгруженной продукции (рис. 2). В период «ковидного шока» было незначительное снижение

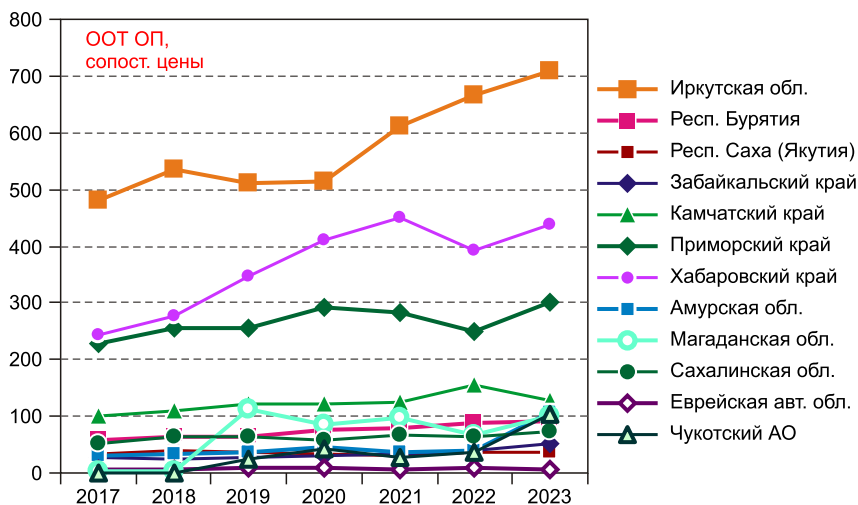

Рис. 2. Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по ВЭД «Обрабатывающие производства» в регионах Востока России, млрд руб. в ценах 2017 г.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial)

в некоторых регионах. В 2022 г. в Хабаровском и Приморском краях, в Магаданской области и в ДФО в целом спад был значительным.

Более детальное представление о динамике развития обрабатывающей промышленности в восточных регионах дает табл. 1. Несмотря на «ковидный» спад и шок 2022 г., объемы производства и в 2022 г., и в 2023 г. (за исключением Еврейской автономной области) превысили уровень 2017 г. Аномальный рост в Магаданской области и Чукотском АО объясняется эффектом низкой базы, а в последнем случае еще и исключительно благоприятной ситуацией с миграцией рыбных ресурсов в 2023 г.

Превышение прироста объемов производства за период 2017–2023 гг. в фактических ценах по сравнению с приростом в сопоставимых ценах в России составило 37,7%, в ДФО – лишь 27,7%. Это говорит о том, что фактор цен на Дальнем Востоке сказался на динамике роста производства в гораздо меньшей степени.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Росстат публикует информацию, характеризующую изменение производительности труда, в том числе в региональном разрезе. Для оценки ее динамики используется индекс производительности труда по экономике, который рассчитывается как частное от деления индексов физического объема ВРП и изменения совокупных затрат труда (т.е. трудовых затрат на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления)⁴.

Поскольку в открытых источниках информация об объемах совокупных затрат труда отсутствует, выполнить расчет абсолютных значений производительности не представляется возможным. Поэтому в исследованиях часто используется альтернативный показатель: производительность труда оценивается как отношение объема валовой добавленной стоимости к среднегодовой численности занятых [7; 11;

⁴ URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2022\(06102023\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2022(06102023).xlsx) .

13; и др.]⁵. Результаты выполненных таким образом расчетов представлены на рис. 3 (значения ВРП приведены к уровню 2017 г. с учетом разницы цен в регионах⁶).

Во всех дальневосточных регионах в 2022 г. производительность была выше, чем в 2017 г. Более высокие показатели имеют преимущественно нефтегазовые территории: Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Объем валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого в них в 2,27–4,86 раза выше, чем в целом по РФ.

Единственный регион, где производительность труда существенно снижалась во время пандемии (2020 г.), – Республика Саха (Якутия). Но в 2022 г. производительность труда значительно снизилась в Сахалинской области в связи с санкциями в нефтегазовой отрасли (рис. 4).

В число ключевых приоритетов экономического развития Дальневосточного макрорегиона входит диверсификация хозяйственных систем регионов, связанная в том числе с развитием глубокой переработки добываемых сырьевых ресурсов⁷. Обрабатывающий сектор экономики обеспечивает относительно небольшую долю в объеме добавленной стоимости, создаваемой в восточных регионах. В 2022 г. вклад ВЭД «Обрабатывающие производства» в ВРП варьировал от 0,29% в Чукотском АО до 15,92% в Республике Бурятия. Несмотря на рост объемов производства даже в сопоставимых ценах, за период 2017–2022 гг. доля обрабатывающих производств в ВРП в большинстве восточных регионов снизилась; исключением стали Республика

⁵ См. также: *Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю.* Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока.

⁶ Для учета региональных различий покупательной способности национальной валюты использована методика переоценки ВРП, позволяющая осуществить перерасчет показателей посредством индексов стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг [3].

⁷ См.: *Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока.* – URL: <https://minvr.gov.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf>.

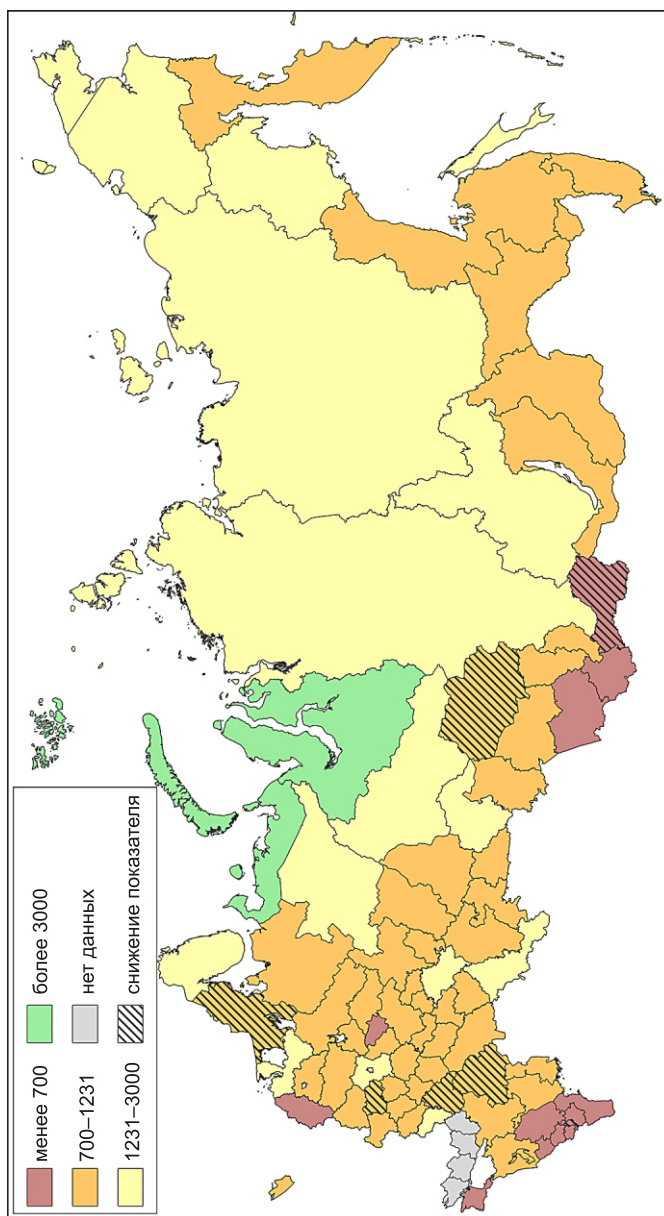

Рис. 3. Производительность труда по экономике в целом в регионах РФ в 2022 г. и ее изменение в период 2017–2022 гг., тыс. руб./чел., общероссийское значение – 1 230,93 тыс. руб./чел.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

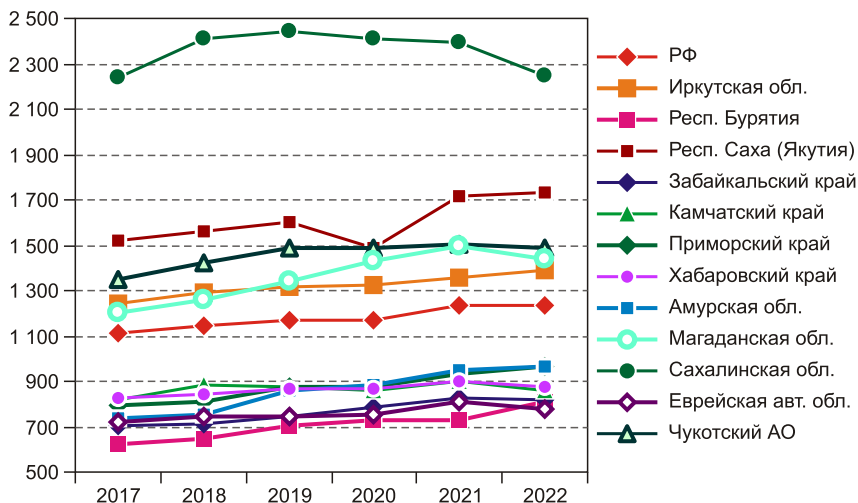

Рис. 4. Динамика производительности труда по экономике в целом в регионах Востока России, 2017–2022 гг., тыс. руб./чел.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

Саха (Якутия) и Магаданская область. Во многих регионах уменьшилась относительно невысокая⁸ доля работников, занятых в обрабатывающем секторе экономики, здесь исключением стали Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и Чукотский АО (табл. 2).

В 2022 г. в четверти российских регионов производительность труда по ВЭД «Обрабатывающие производства» была выше, чем в целом по РФ – 1458,34 тыс. руб./чел. (рис. 5). Но на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе даже в 2022 г. этот показатель был ниже среднероссийского, а в четырех регионах он снизился по сравнению с 2017 г. Отметим, что в целом по экономике производительность труда на востоке страны выросла во всех регионах. В Камчатском

⁸ Максимальный удельный вес работников, занятых в обрабатывающем секторе, среди субъектов РФ в ДФО и Байкальском регионе имеет Иркутская область – 11,16% от общей численности занятых, что ниже общероссийского показателя – 14,05% в 2022 г.

Показатели, характеризующие развитие ВЭД

Регион	ВРП в сопоставимых ценах 2017 г. и его изменение, млрд руб., %			Численность занятых и ее изменение, тыс. чел., %		
	2017	2022	Изме- нение	2017	2022	Изме- нение
Амурская обл.	12,40	13,92	12,27	25,80	22,50	-12,79
Еврейская авт. обл.	3,72	3,41	-8,47	5,80	4,70	-18,97
Забайкальский край	10,54	9,31	-11,72	29,10	32,30	11,00
Иркутская обл.	156,77	169,96	8,42	130,70	125,70	-3,83
Камчатский край	12,74	6,16	-51,67	12,70	12,40	-2,36
Магаданская обл.	1,79	2,68	49,87	3,40	2,50	-26,47
Приморский край	67,16	58,99	-12,17	111,80	101,70	-9,03
Респ. Бурятия	23,27	47,40	103,64	41,70	36,90	-11,51
Респ. Саха (Якутия)	8,22	9,11	10,85	18,60	19,70	5,91
Сахалинская обл.	18,98	23,51	23,87	18,20	17,00	-6,59
Хабаровский край	50,21	51,03	1,64	74,20	65,40	-11,86
Чукотский АО	0,18	0,15	-19,92	0,50	0,50	0,00
ДФО	202,15	212,01	4,88	341,80	315,50	-7,69
РФ в целом	12 918,71	14 588,33	12,92	10 173,20	10 003,40	-1,67

Примечание: голубым цветом выделены отрицательные значения прироста –
Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата

крае отмечалось наибольшее снижение производительности в обрабатывающем секторе экономики – на 50,5%. В этом регионе практически по всем подразделам рассматриваемого ВЭД произошло сокращение объемов производства. В большей степени индекс производства снизился в подразделах «Переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков», «Производство одежды», «Обработка

Таблица 2

«Обрабатывающие производства» в 2017–2022 гг.

Доля ВЭД «Обрабатывающие производства» в структуре						Производительность и ее изменение, тыс. руб./чел., %		
ВРП (в сопоставимых ценах 2017 г.), %, п.п.			численности занятых, %, п.п.					
2017	2022	Изме- нение	2017	2022	Изме- нение	2017	2022	Изме- нение
4,30	3,75	–0,55	6,61	5,87	–0,73	480,56	618,64	28,73
7,70	6,96	–0,74	8,63	7,50	–1,13	641,75	724,87	12,95
3,20	2,55	–0,65	6,23	7,24	1,01	362,35	288,19	–20,47
11,50	11,16	–0,34	11,93	11,44	–0,48	1 199,44	1 352,13	12,73
9,40	4,36	–5,04	7,68	7,52	–0,15	1 003,01	496,46	–50,50
1,60	2,15	0,55	3,65	2,89	–0,77	526,48	1 073,05	103,82
8,70	6,60	–2,10	11,48	10,96	–0,52	600,75	580,06	–3,44
9,80	15,92	6,12	10,89	10,08	–0,82	558,15	1 284,50	130,13
1,10	1,03	–0,07	3,78	3,87	0,09	441,86	462,45	4,66
3,00	3,80	0,80	6,44	6,17	–0,27	1 042,89	1 383,00	32,61
8,80	8,69	–0,11	10,74	9,76	–0,98	676,71	780,34	15,31
0,40	0,29	–0,11	1,47	1,48	0,01	365,37	292,59	–19,92
5,30	5,01	–0,29	8,46	8,04	–0,42	591,43	671,99	13,62
16,20	16,64	0,44	14,16	14,05	–0,11	1 269,88	1 458,34	14,84

спад показателя.

(<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>).

древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения», «Производство металлургическое» и «Производство мебели»⁹.

⁹ См.: Камчатский край в цифрах – 2022: Стат. сб. / Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский, 2022. – С. 84.

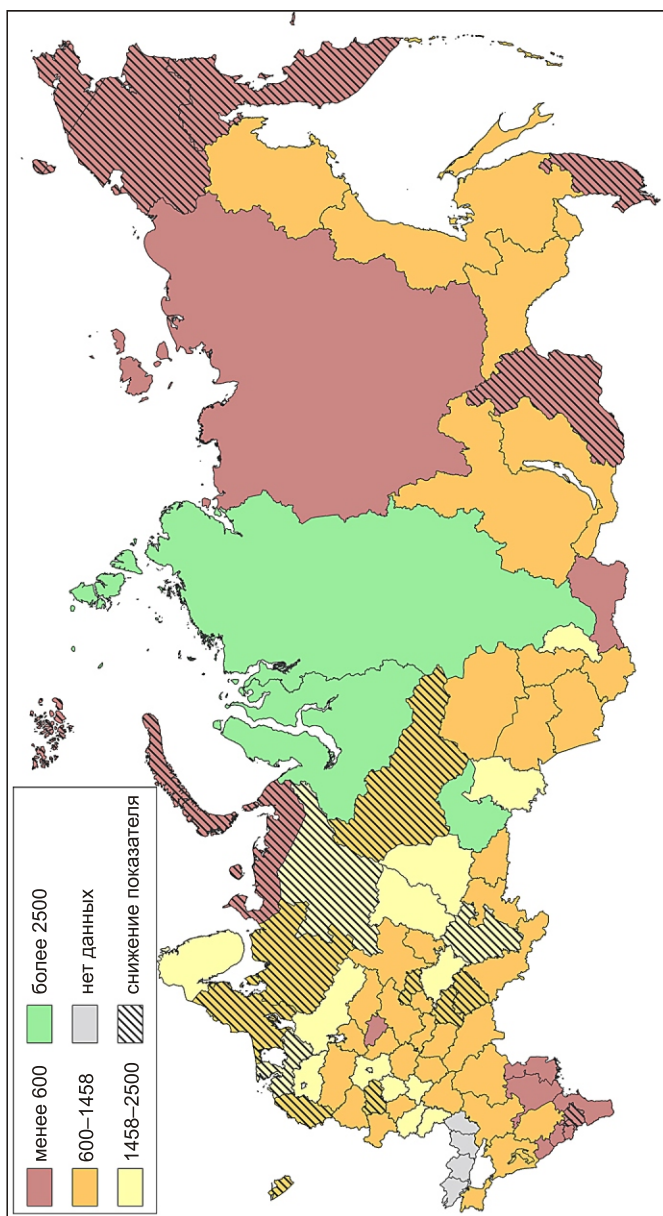

Рис. 5. Производительность труда по ВЭД «Обрабатывающие производства» в регионах РФ в 2022 г. и ее изменение в период 2017–2022 гг., тыс. руб./чел., общероссийское значение – 1 458,34 тыс. руб./чел.
 Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>;
<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

Сравнение рисунков 3 и 5 показывает, что количество регионов, где производительность труда снизилась в обрабатывающей промышленности, гораздо больше количества тех, где она уменьшилась в целом по экономике региона. Среди территорий с положительным ростом производительности труда можно выделить Магаданскую область и Республику Бурятию, в которых она увеличилась более чем в 2 раза. Динамика показателей в этих регионах была обусловлена как ростом вклада отрасли в ВРП, так и сокращением численности занятых. В Магаданской области наиболее заметное снижение производительности произошло в металлургическом производстве, а рост – в производстве химических веществ и химических продуктов¹⁰. В Республике Бурятии значительный рост в 2022 г. вклада обрабатывающей промышленности в ВРП и производительности труда обусловлен увеличением объемов и повышением эффективности производства строительных материалов, а также производства прочих транспортных средств и оборудования, что связано с выполнением долгосрочного контракта на поставку в КНР вертолетной техники и сборки грейдеров¹¹.

Негативные следы «ковидного шока» в динамике производительности труда в обрабатывающей промышленности отмечены в Забайкальском крае, Чукотском АО, Республике Саха (Якутия) и Приморском крае. Что касается шока 2022 г., то в целом на производительности труда в России в течение года он практически не сказался. В половине восточных регионов был рост, в Сахалинской и Магаданской областях и Республике Бурятии – значительный (рис. 6).

Сравнение результатов расчетов, представленных в табл. 2, с динамикой объемов отгруженной продукции обрабатывающих производств (см. табл. 1) позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся периода 2017–2022 гг. В целом по стране производительность труда в отрасли выросла на 14,84%, тогда как объемы увеличились на 47,3% (в сопоставимых ценах). То есть темпы роста производитель-

¹⁰ См.: *Магаданская область – 2022: Стат. сб.* / Хабаровскстат. – Магадан, 2022. – С. 140.

¹¹ URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/respublika-burjatija.pdf?ysc_lid=lv59jg949533157240.

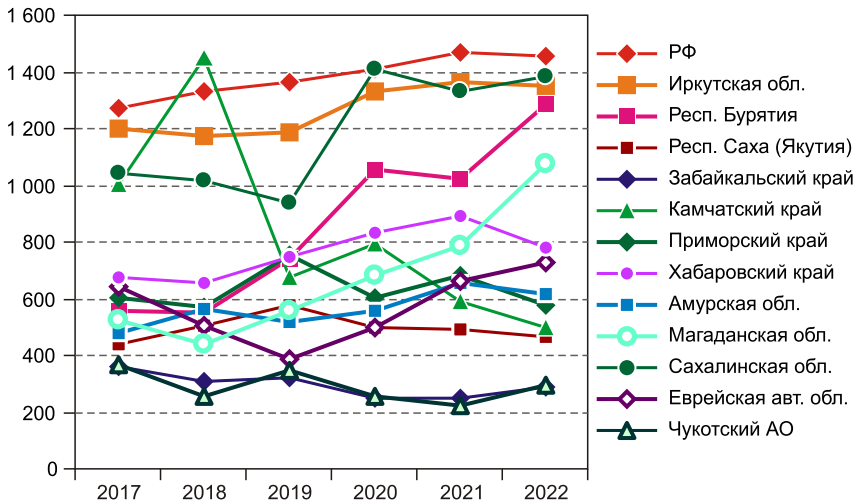

Рис. 6. Динамика производительности труда по ВЭД «Обрабатывающие производства» в регионах Востока России, 2017–2022 гг., тыс. руб./чел.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

ности труда существенно отставали от темпов роста объемов производства. В большинстве восточных регионов, даже там, где отмечался рост производительности труда, он отставал от роста объемов производства. Исключением являются Сахалин и особенно Бурятия, где рост производительности труда в обрабатывающей промышленности в период 2017–2022 гг. в 2,8 раза превысил увеличение объемов производства. Устойчивой положительной динамикой в данном регионе характеризовалась деятельность по производству прочих транспортных средств и оборудования; значительный рост объемов производства в отдельные годы наблюдался в производстве одежды, производстве резиновых и пластмассовых изделий, производстве готовых металлических изделий¹².

¹² См.: *Статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Бурятстат.* – Улан-Удэ, 2020. – С. 311; *Статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Бурятстат.* – Улан-Удэ, 2023. – С. 284.

НАЛОГОВЫЙ ПАРАДОКС

Об условиях и динамике процессов индустриализации мы можем судить в том числе по потокам налоговых платежей от обрабатывающих секторов в налоговую систему РФ (табл. 3). Общий объем поступлений налогов (в целом по экономике) в бюджетную систему России за период 2017–2023 гг. существенно вырос, он составил 51% (табл. 4). Для ДФО этот показатель равен 58%. Чтобы исключить

Таблица 3

Поступило платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации по ВЭД «Обрабатывающие производства» (строка 1087), в ценах 2017 г., млрд руб.

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РФ	3 315,01	3 331,39	3 482,90	3 537,87	3 954,00	3 450,76	4 817,48
ДФО	75,05	71,22	87,54	31,05	30,65	36,89	51,80
Иркутская обл.	42,71	36,84	39,03	36,94	45,65	35,48	33,36
Респ. Бурятия	3,30	4,94	4,49	2,13	4,24	2,19	4,02
Респ. Саха (Якутия)	1,29	1,07	1,58	1,69	1,61	2,73	3,33
Приморский край	14,66	7,38	14,28	10,49	12,91	11,37	19,06
Хабаровский край	43,99	45,38	55,32	44,32	50,44	42,42	46,16
Амурская обл.	1,98	2,41	1,81	–31,38	–38,20	–24,40	–22,37
Камчатский край	2,55	3,53	4,78	2,97	2,96	2,78	3,06
Магаданская обл.	0,62	0,61	0,56	0,73	0,68	0,70	1,40
Сахалинская обл.	2,28	2,65	2,42	2,34	2,01	2,15	3,41
Забайкальский край	3,92	2,55	1,59	–1,50	–4,93	–1,99	–4,86
Еврейская авт. обл.	0,42	0,50	0,47	0,38	0,35	0,24	0,33
Чукотский АО	0,03	0,04	0,05	0,05	0,11	0,37	0,63

Примечание: голубым цветом выделены отрицательные объемы налоговых платежей.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ФНС (https://www.nalog.gov.ru/rn87/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

Таблица 4

**Прирост поступления налоговых платежей в консолидированный бюджет
Российской Федерации, в ценах 2017 г., %**

Регион	2017– 2022	2017– 2023	2019– 2020	2019– 2021	2021– 2022	2021– 2023	2022– 2023
<i>В целом по экономике</i>							
РФ	32,3	51,3	–12,3	9,9	–1,2	13,0	14,4
ДФО	47,6	58,3	–7,7	–4,6	15,6	24,1	7,3
<i>По ВЭД «Добыча полезных ископаемых»</i>							
РФ	74,80	71,46	–31,71	17,12	7,41	5,36	–1,91
ДФО	119,13	118,34	–6,15	14,09	83,18	82,52	–0,36
<i>По ВЭД «Обрабатывающая промышленность»</i>							
РФ	4,09	45,32	1,58	13,53	–12,73	21,84	39,61
ДФО	–50,84	–30,98	–64,53	–64,99	20,35	68,98	40,41
Иркутская обл.	–16,94	–21,90	–5,34	16,96	–22,28	–26,92	–5,97
Респ. Бурятия	–33,63	21,81	–52,67	–5,74	–48,22	–4,97	83,52
Респ. Саха (Якутия)	111,62	157,93	7,26	1,91	69,87	107,05	21,88
Приморский край	–22,42	30,01	–26,54	–9,59	–11,93	47,59	67,59
Хабаровский край	–3,57	4,93	–19,88	–8,83	–15,90	–8,48	8,82
Амурская обл.	–1 333,47	–1 230,99	–1 829,21	–2 204,73	36,12	41,43	8,31
Камчатский край	9,06	20,16	–37,90	–37,93	–6,23	3,32	10,19
Магаданская обл.	12,48	124,87	30,50	22,07	3,13	106,17	99,92
Сахалинская обл.	–5,54	49,69	–3,27	–16,95	7,19	69,86	58,47
Забайкальский край	–150,76	–223,80	–194,04	–409,96	59,59	1,45	–143,88
Еврейская авт. обл.	–43,66	–20,77	–19,96	–24,95	–32,96	–5,71	40,64
Чукотский АО	1 111,86	1 981,62	–4,65	117,91	242,76	488,76	71,77

Примечания: голубым цветом выделены отрицательные значения прироста – спад показателя; жирным шрифтом выделены показатели, превышающие значение по РФ.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ФНС (https://www.nalog.gov.ru/rn87/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

влияние инфляции, все расчеты, приводимые в этом разделе, также выполнены в ценах 2017 г.

Таблица 4 также позволяет сделать вывод о том, что реакция налоговой системы на шоки 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг. и в стране в целом, и в восточных регионах России не была одинаковой. «Ковидный шок» негативно (в разной степени) сказался на объеме налогов отрасли как в РФ в целом, так и во многих восточных регионах. Динамика на первый взгляд выглядит парадоксально: при росте обрабатывающего производства в РФ на 4,1% и в ДФО на 19,4% (см. табл. 1) налоговые поступления в 2020 г. по сравнению с 2019 г. по РФ выросли на 1,58%, а по ДФО сократились на 64,53% (см. табл. 4). Более детальный анализ по видам налогов показывает, что это связано прежде всего с возвратом экспортного НДС (рис. 7а и 7б).

В 2020 г. в ДФО значительно уменьшились поступления налога на прибыль (–38%) и в небольшой степени – НДС (–4%) (рис. 7в и 7г). Это связано в том числе с сокращением производства в период пандемии и с мерами государственной поддержки отрасли в годы пандемии в виде налоговых льгот и каникул.

К концу пандемии (2021 г.) налоговые поступления от обрабатывающей отрасли в России и в четырех восточных регионах (Иркутская область, Якутия, Магаданская область, Чукотский АО) превысили уровень 2019 г. (см. рис. 7). Этого не произошло в целом по ДФО (–64,99%). Парадоксально, однако, что в Якутии налоговые поступления выросли на 1,91% при падении объемов производства (с учетом цен) на 19,60%. Аналогичная картина – в Магаданской области: рост налоговых поступлений на 22,07% при падении объемов производства на 14,11%. В Забайкальском крае, напротив, при росте производства на 15,44% сокращение налоговых поступлений составило 409,96%, главным образом за счет возврата НДС экспортерам (см. рис. 7б). Несколько другая картина наблюдается в Еврейской автономной области (падение налоговых поступлений и объемов производства на 24,95 и 4,21% соответственно) и Чукотском АО (рост налоговых поступлений на 117,91% и объемов производства на 14,50%).

Падение налоговых поступлений от обрабатывающей отрасли Сахалинской области в 2019–2021 гг. объясняется снижением мировых цен на нефть и нефтепродукты в период пандемии и сокращением спроса в странах АТР.

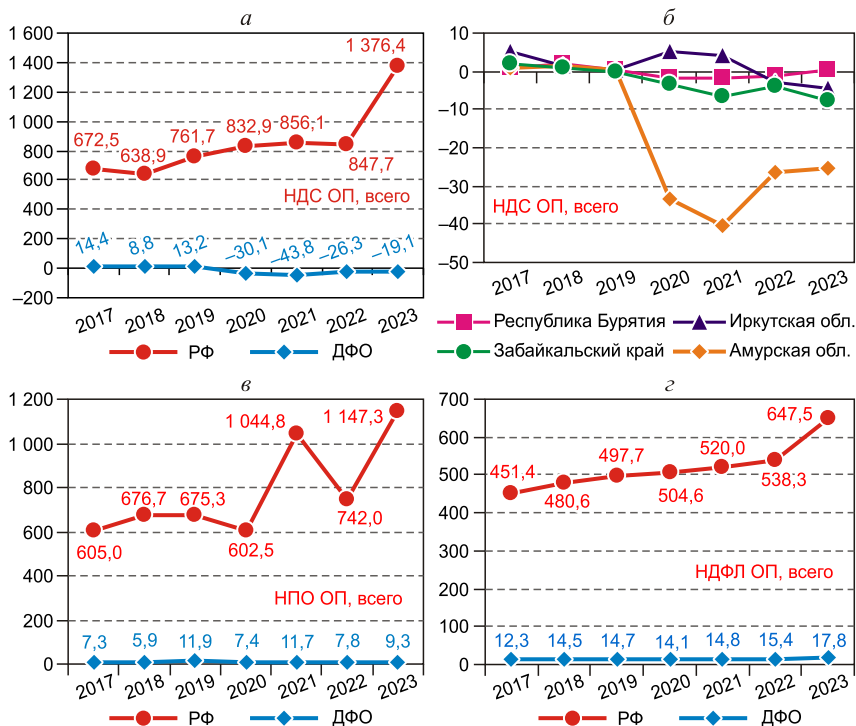

Рис. 7. Динамика объемов поступивших в консолидированный бюджет Российской Федерации федеральных налогов по ВЭД «Обрабатывающие производства» (строка 1087), млрд руб. в ценах 2017 г.: налог на добавленную стоимость, всего (а и б), налог на прибыль организаций, всего (в), налог на доходы физических лиц, всего (г)

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ФНС (https://www.nalog.gov.ru/rn87/related_activities/statistics_and_analytics/forms/)

В целом применительно к периоду 2017–2023 гг. мы можем говорить о росте налоговых платежей в консолидированный бюджет страны в целом по экономике во всех восточных регионах, за исключением Чукотского АО, а по обрабатывающей отрасли исключение составляют Иркутская область и Еврейская автономная область (см. табл. 4). Шок 2022 г. также характеризуется сокращением налоговых

поступлений по сравнению с 2021 г. в ряде восточных регионов: в целом по экономике – в семи регионах, по обрабатывающей промышленности – в шести регионах из двенадцати. В определенной степени это связано с увеличением издержек производителей вследствие санкций, об этом говорит динамика налога на прибыль (см. рис. 7в). Однако в некоторых регионах характер налоговой динамики в 2022–2023 гг. продолжает определяться объемами возврата экспортного НДС: в Иркутской, Амурской областях и в Забайкальском крае общая сумма налоговых поступлений остается отрицательной и в 2023 г.

В целом же по стране снижение налогов с предприятий обрабатывающей промышленности в 2022 г. (относительно 2021 г.) составило 12,73% (при 1,2% по экономике в целом), а в ДФО мы видим существенный рост – 20,35% (при 15,6% по экономике в целом) в условиях, когда объем производства в стране вырос (5,75%), а в ДФО, наоборот, уменьшился (–7,71%). Это может быть свидетельством возрастания удельной налоговой нагрузки на востоке страны для данной отрасли.

Расчеты показывают (см. табл. 4), что уже в 2023 г. налоговые поступления от обрабатывающей промышленности выросли и в большинстве восточных регионов превысили уровень 2021 г. Темпы этого роста в целом по стране и по ДФО выше, чем темпы роста производства (см. табл. 1): 21,84% против 4,50% в РФ и 68,98% против 12,27% в ДФО. Подобная картина наблюдается в Сахалинской и Магаданской областях, Республике Саха (Якутия), Чукотском АО, Приморском и Камчатском краях, однако там имеет место рост обоих показателей. В то же время в некоторых регионах ситуация обратная. Например, в Забайкальском крае объемы продукции обрабатывающей отрасли росли гораздо быстрее, чем налоговые платежи: 62,21 и 1,45% соответственно, то же можно сказать и об Амурской области (181,23 и 41,43%). В Иркутской области и Республике Бурятия произошло падение налоговых поступлений при росте объемов отгруженной продукции, в Еврейской автономной области и Хабаровском крае – падение обоих показателей. Главными факторами сокращения налоговых платежей стали возврат НДС и снижение рентабельности производств вследствие увеличения издержек, в том числе по заработной плате.

Отдельно стоит отметить рост НДСЛ по обрабатывающей промышленности в 2021–2023 гг. практически во всех российских регионах. В целом по стране за этот период сумма поступлений увеличилась на 24,52%, в ДФО – на 20,31% (в ценах 2017 г.). Это говорит об опережающем росте заработной платы в обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке и в целом в России по сравнению со средними показателями по экономике (за 2023 г. реальный размер средней в РФ заработной платы, по данным Росстата, увеличился на 7,8%, в 2022 г. – на 0,3%).

Наибольший рост поступлений НДСЛ по ВЭД «Обрабатывающие производства» среди восточных регионов за период 2017–2023 гг. зафиксирован в Чукотском АО (940,84%), Амурской области (202,86%) и Забайкальском крае (125,12%). Это стало следствием в том числе дефицита трудовых ресурсов, который уже официально отмечается государственными органами страны. При этом в Амурской области поступления налога на прибыль за указанный период существенно увеличились (+258,73%), а в Забайкальском крае – сократились (–22,62%), но за 2021–2023 гг. и в этом регионе наблюдался рост более чем в 3 раза.

Анализ результатов расчетов (см. табл. 4) позволяет сравнить динамику налоговых потоков за периоды 2017–2022, 2017–2023, 2022–2023 гг. и заключить, что основной рост налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ от обрабатывающей отрасли и в стране в целом, и в восточных регионах пришелся на 2023 г. Для сопоставления приведены данные о налогах по добыче полезных ископаемых, где в 2023 г. по сравнению с 2022 г. произошло снижение поступлений и в ДФО, и в целом в России. Это обстоятельство позитивно в целом для бюджета, но говорит о возрастающей налоговой нагрузке на отрасль, что при продолжении этой тенденции может уже в среднесрочном плане отрицательно сказаться на ее развитии и модернизации. Усиление налоговой нагрузки может повысить риски формирования «не “экономики развития”, а “экономики выживания” с сильными элементами неэкономических принуждений» [14, с. 77].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет необходимости приводить аргументы в пользу того, что экономика России в целом оказалась довольно устойчивой по отношению к внешним шокам последних лет, это уже отмечено и подтверждено многочисленными исследованиями и аналитическими публикациями. Однако краткосрочные результаты не гарантируют надежных положительных трендов в будущем. Поэтому важно изучать динамику ключевых отраслей и факторы, которые формируют долгосрочные тенденции. Для регионов Востока России одной из ключевых отраслей является обрабатывающая промышленность.

В данной работе рассмотрены следующие аспекты экономических процессов в восточных регионах России в период экономических шоков 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг.: динамика производства, динамика производительности труда в обрабатывающей отрасли, динамика налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ от ее предприятий.

Оценка динамики объемов производства выполнена с учетом индекса производства по ВЭД «Обрабатывающие производства». Рост объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по данной ВЭД в России с 2017 по 2023 г. составил 45,58%, в ДФО – 100,66%. Этот рост был устойчивым в РФ на временном отрезке 2017–2022 гг., не снижался ни в период пандемии, ни в 2022 г. и лишь в 2023 г. незначительно уменьшился по сравнению с 2022 г. (на 1,18%). В ДФО этот показатель также демонстрировал рост вплоть до 2022 г., когда он снизился на 7,71%, однако уже в 2023 г. рост восстановился (21,64%). С точки зрения объемов производства процессы индустриализации в целом по ДФО в 2017–2023 гг. опережали среднероссийские темпы, исключением были только 2021 и 2022 гг. (рис. 8).

Расчеты также показали, что фактор цен на Дальнем Востоке сказался на динамике роста производства в гораздо меньшей степени, чем в целом в обрабатывающей отрасли России.

Во всех дальневосточных регионах производительность труда в целом по экономике в 2022 г. была выше, чем в 2017 г., и необходимо отметить это как позитивную тенденцию. Но по ВЭД «Обраба-

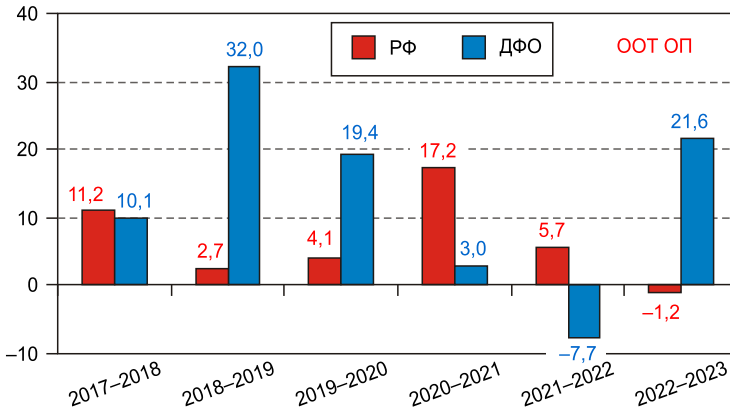

Рис. 8. Темпы прироста объемов промышленного производства по ВЭД «Обрабатывающие производства», в ценах 2017 г., %

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial)

Обрабатывающие производства» на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе в 2022 г. этот показатель был ниже среднероссийского, а в четырех регионах он снизился по сравнению с 2017 г. Это создает риски для дальнейшего развития отрасли на востоке страны, так как производительность труда в условиях нынешнего ограничения предложения трудовых ресурсов имеет первостепенное значение.

Динамика налоговых поступлений после шоков 2020 г. и 2022 г. существенно различалась (см. табл. 4), и это, несомненно, определялось характером налоговой политики, проводимой в послешоковые годы. Несмотря на рост обрабатывающего производства в РФ на 4,1% и в ДФО на 19,4%, налоговые поступления в 2020 г. по сравнению с 2019 г. по РФ выросли на 1,6%, а по ДФО сократились на 64,5%. Это непосредственно связано с мерами государственной поддержки отрасли в первый год пандемии в виде налоговых льгот и каникул. В 2023 г. мы видим кардинальный рост налоговых поступлений от обрабатывающей отрасли и в стране в целом, и в восточных регионах. Данное обстоятельство способствует наполнению бюджета, что важно в условиях возрастающих расходов в 2022–2023 гг. Но в то же

время это говорит об усилении налоговой нагрузки на отрасль, и уже в среднесрочном плане может отрицательно сказаться на ее развитии и модернизации. Налоговая реформа 2024 г. с увеличением налога на прибыль усиливает этот риск. Рост НДС в условиях напряженности на рынке труда также приведет к повышению издержек производителей и, соответственно, к сокращению их возможностей по внедрению современных технологий и наращиванию эффективности.

Сырьевая ориентация экономики большинства восточных регионов России при слабом развитии производств глубокой переработки стала одной из основных причин отставания этих регионов по комфортности жизни, несмотря на то что такие показатели, как ВРП на душу населения или инвестиционная активность, там часто выше, чем в европейской части страны. Поэтому трудно назвать региональную политику последнего десятилетия однозначно положительной, имея в виду, что «развитием можно считать положительную динамику качества жизни и качества экономики» [8, с. 10]. Часто выдвигается (больше в выступлениях должностных лиц, чем в научных исследованиях) тезис о том, что противостояние санкциям – «экономика сопротивления» – создаст новые возможности, которые в сочетании с «поворотом на восток» сформируют новые драйверы развития. Однако в такой экономике есть собственные ловушки, которые отмечаются в исследованиях (см., например, [15]).

Мы хотим подчеркнуть, что перспективы взаимодействия с Китаем для развития обрабатывающей промышленности имеют целый ряд ограничений. В работе В.Е. Селиверстова [14] справедливо отмечается, что научно-техническое и инновационное сотрудничество России и Китая пока опирается на разные приоритеты. К этому надо добавить, что разные приоритеты в отношении модернизации экономики восточных регионов нашей страны у России и Китая мы видим уже в течение многих лет. Трудно ожидать от Китая высокой заинтересованности в создании высокотехнологичных производств даже на территории сопредельных регионов, он стремится прежде всего создавать их у себя, получая для этого масштабные и устойчивые потоки сырьевых ресурсов из России. Это и до 2022 г. проявлялось в том, что при росте товарооборота между РФ и КНР прямые

иностранные инвестиции поступали из Китая в весьма скромных масштабах [4]¹³.

В нашей работе показано, что несмотря на положительную динамику объемов производства, слабым местом обрабатывающей отрасли является производительность труда. Решение этой проблемы возможно лишь на пути технологической модернизации, однако и весь предыдущий опыт, и дополнительные препятствия санкционного характера указывают на то, что рассчитывать на сотрудничество с КНР в этих вопросах вряд ли целесообразно, по крайней мере в среднесрочном плане. Поэтому в настоящее время необходимо расширить содержание тезиса о «повороте на восток». Это не должно быть преимущественно расширение экспортно-импортного товарооборота и трансграничных взаимодействий в целом. Главным содержанием должно стать развитие горизонтальных экономических связей и кооперации между регионами, особенно в азиатской части России, для повышения эффективности экономики и качества жизни. То есть «поворот на восток» должен стать прежде всего «поворотом на Восток России».

Убедительные аргументы в пользу того, что такое понимание «восточного вектора» и корректировки на этой основе политики пространственного развития могут создать условия для «перехода на модель возобновляющегося роста социальной ценности» [14, с. 92], приводятся в работах целого ряда российских ученых [5; 6; 12; 14; 16].

Работа выполнена в рамках государственного задания ИПрЭЖ СО РАН (рег. № 121032200126-6)

Список источников

1. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 336 с.

¹³ См. также: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Трансграничная кооперация на Востоке России: прямые иностранные инвестиции // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210; Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. Some results of the “Far East” investment policy: Impact on the main sectors and personal incomes // Regional Research of Russia. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 504–513. DOI: 10.1134/S207997052370082X.

2. *Борищевский Г.А.* Влияние преференциальных режимов на развитие макрорегиона Дальнего Востока // Вопросы экономики. – 2024. – № 2. – С. 103–124. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-103-124.
3. *Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С.* Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика. – М.: СОПС, 2003. – 117 с.
4. *Изотов Д.А.* Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2022. – № 2 (102). – С. 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.
5. *Кравченко Н.А., Маркова В.Д., Юсупова А.Т.* Сотрудничество науки и бизнеса: региональный опыт и перспективы развития // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.
6. *Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.
7. *Мельникова Л.В.* Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105.
8. *Минакир П.А.* Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007-016.
9. *Минакир П.А.* Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.4.007-015.
10. *Минакир П.А., Найден С.Н.* Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.
11. *Михеева Н.Н.* Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 2 (86). – С. 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605.
12. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития* / Под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – Т. 1. – 418 с. DOI: 10.36264/978-5-89665-375-2-2023-011-418.
13. *Русановский В.А., Марков В.А.* Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2 (167). – С. 36–48.
14. *Селиверстов В.Е.* О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 66–114. DOI: 10.15372/REG20240102.
15. *Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д.* Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 27–42. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42.

16. Kryukov V.A., Lavrovskii B.L., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Siberian development vector: based on cooperation and interaction // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – Vol. 31, No. 5. – P. 495–504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

Информация об авторах

Глазырина Ирина Петровна (Россия, Чита) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а); профессор, заведующий кафедрой прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александрово-Заводская, 30). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Фалейчик Лариса Михайловна (Россия, Чита) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Забелина Ирина Александровна (Россия, Чита) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а). E-mail: i_zabelina@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240408

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 192–221

I.P. Glazyrina, L.M. Faleychik, I.A. Zabelina

MANUFACTURING INDUSTRY IN EASTERN RUSSIA AMID ECONOMIC SHOCKS

This study aims to examine the peculiarities of the manufacturing industry's development in the eastern regions of Russia. Can the "eastern vector" of regional development be considered a noteworthy factor in this dynamic? We investigate several aspects of economic processes in the eastern regions during the economic shocks of 2020–2021 and 2022–2023, including the dynamics of production, labor productivity in manufacturing, and tax revenues from manufacturing industries. The calculations are based on the production index.

In terms of production volumes, industrialization in the east of the Russian Federation generally outpaced the national average from 2017 to 2023, with the exception of 2022, though results varied significantly by region. Labor productivity in all Far Eastern regions was higher in 2022 than in 2017. However, according to the foreign economic activity (FEA) data for “Manufacturing Industries” in the Russian East, this indicator was below the national average in 2022, and in four regions, it declined compared to 2017. Given the current limited availability of labor resources, this poses risks to the continued growth of the manufacturing sector in the eastern regions.

An analysis of Federal Tax Service data revealed a substantial increase in tax revenues from the manufacturing industry both nationally and in the eastern regions in 2023. While this trend is positive for overall budget revenues, it also suggests a growing tax burden on the industry, which could negatively affect its development and modernization in the medium term.

The findings support expanding the argument for a “pivot to the east.” Rather than focusing solely on increasing exports, the priority should be on fostering horizontal economic relationships and cooperation between regions in Russia’s Asian part to improve the efficiency of regional economic systems. That is to say, a “pivot to the east” should first and foremost be a “pivot to the East of Russia”.

Keywords: manufacturing industry; production dynamics; labor productivity; tax revenues; economic shocks; Far East

For citation: Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik & I.A. Zabelina. (2024). Obrabatyvayushchaya promyshlennost na Vostoke Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh shokov [Manufacturing industry in Eastern Russia amid economic shocks]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 192–221. DOI: 10.15372/REG20240408.

The publication is prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (reg. No. 121032200126-6)

References

1. Antonova, N.E., N.V. Lomakina & A.D. Fayman. (2022). Prirodno-resursnyy sektor Dalnego Vostoka Rossii: “proklyatie” ili lokomotiv razvitiya? [Natural Resource Sector of the Russian Far East: “Curse” or Engine of Development?]. Khabarovsk, Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch RAS, 336.
2. Borshchevskiy, G.A. (2024). Vliyanie preferentsialnykh rezhimov na razvitie makroregiona Dalnego Vostoka [Influence of preferential regimes on the Russian Far

East development]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 2, 103–124. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-103-124.

3. *Granberg, A.G. & Yu.S. Zaytseva.* (2003). *Valovoy regionalnyy produkt: mezhr regionalnye sravneniya i dinamika* [Gross Regional Product: Interregional Comparisons and Dynamics]. Moscow, SOPS Publ., 117.

4. *Izotov, D.A.* (2022). *Integratsiya rossiyskoy ekonomiki so stranami ATR: vozmozhnosti i riski* [Integration of the Russian economy with the Asia-Pacific countries: Opportunities and risks]. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2 (102), 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.

5. *Kravchenko, N.A., V.D. Markova & A.T. Yusupova.* (2024). *Sotrudnichestvo nauki i biznesa: regionalnyy opyt i perspektivy razvitiya* [Science-business collaboration: Regional insights and development prospects]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.

6. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2022). *Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuziy* [Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 5, 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.

7. *Melnikova, L.V.* (2024). *Analiz strukturnykh osnovaniy mezhr regionalnoy differentsiatsii proizvoditelnosti truda* [Analysis of structural foundations of interregional labor productivity differentiation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105.

8. *Minakir, P.A.* (2022). *Ternisty put na vostok: proryvy, oborachivayushchiesya tupikami* [The thorny path eastwards: Breakthroughs which turn into dead-end]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 18, No. 3, 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007-016.

9. *Minakir, P.A.* (2021). *Ekonomicheskoe razvitie v “lovushke” rosta: sluchay Dalnego Vostoka* [Economic development “trapped” in economic growth: The case of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 17, No. 4, 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.4.007-015.

10. *Minakir, P.A. & S.N. Naiden.* (2020). *Sotsialnaya dinamika na Dalnem Vostoke: defekt idey ili proval institutov?* [Social dynamics in the Far East: The defect of ideas or the failure of institutions?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (107), 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.

11. *Mikheeva, N.N.* (2015). *Sravnitelnyy analiz proizvoditelnosti truda v rossiyskikh regionakh* [Workforce productivity in Russian regions: Comparative analysis]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (86), 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605.

12. *Kryukov, V.A. & N.I. Suslov* (Eds.). (2023). *Novyy impuls Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya* [New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., Vol. 1, 418. DOI: 10.36264/978-5-89665-375-2-2023-011-418.

13. *Rusanovskiy, V.A. & V.A. Markov.* (2018). Zanyatost i proizvoditelnost truda v makroregionakh Rossii: prostranstvennye vzaimozavisimosti [Employment and labor productivity in macroregions of Russia: Spatial interdependence]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2 (167), 36–48.

14. *Seliverstov, V.E.* (2024). O konturakh i realistichnosti novoy modeli razvitiya Sibiri [A new model for Siberia's development: Exploring the contours and feasibility]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 66–114. DOI: 10.15372/REG20240102.

15. *Smorodinskaya, N.V. & D.D. Katukov.* (2023). Iranskiy opyt prebyvaniya pod sanktsiyami: makroekonomicheskie itogi i vyvody dlya Rossii [Iranian sanctions experience: Macroeconomic outcomes and lessons for Russia]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 6, 27–42. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42.

16. *Kryukov, V.A., B.L. Lavrovskii, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov.* (2020). Siberian development vector: based on cooperation and interaction. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 31, No. 5, 495–504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

About Authors

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia); Professor, Head of the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Alexandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Faleychik, Larisa Mikhaylovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Docent, Senior Researcher at the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Zabelina, Irina Alexandrovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Senior Researcher at the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia). E-mail: i_zabelina@mail.ru.

Поступила в редколлегию 18.06.2024.

После доработки 15.08.2024.

Принята к публикации 19.08.2024.

© Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Забелина И.А., 2024